

УДК 811.161.1'36: 811.161.1'38

Людмила Гармаш

**ДИАЛЕКТИКА ПОВТОРА И АНТИТЕЗЫ  
В СТИХОТВОРЕНИИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА  
«НАД ЗАКАТАМИ И РОЗАМИ...»**

**Вступление**

Одним из важнейших средств создания связности поэтического текста, реализуемого на всех его уровнях, является повтор. Благодаря повтору как универсальному стилистическому принципу обеспечивается интонационно-ритмическое, смысловое, композиционное, эмоциональное единство текстового пространства. Начиная с 60-х годов прошлого века появляется все больше работ, посвященных этой теме как в лингвистике, так и в литературоведении. Продолжает оставаться актуальной методология Московской семиотической школы, представители которой видят в повторе ключ к интерпретации латентных смыслов, скрытых в поэтическом тексте и нуждающихся в их расшифровке (Nikolaeva, 2009; Топоров, 1983). И.В. Арнольд рассматривал повтор как «средство выдвижения, которое обеспечивает структурную согласованность текста и определяет последовательность текстовых элементов» (2010: 16). Повтор, по мнению О.И. Москальской, обеспечивает структурную организованность и целостность текста (2010: 84).

Так как повторы существуют на всех уровнях текста – фонетическом, лексическом, семантическом, композиционном и др., они классифицируются учеными по разным основаниям (Арнольд, 1999; Гак, 1972; Громогласова, 2011; Семина, 1999). Обобщив существующие в науке классификации, Е.В. Метлякова выделила повторы в зависимости от их расположения по отношению друг к другу (контактные и неконтактные), по наличию или отсутствию изменений единиц, которые повторяются (точные и вариативные), по источнику наименования (однофокусные, многофокусные и совмещенные),

по отношению к объекту (нейтральные и экспрессивные), по степени выраженности (эксплицитные и имплицитные), по степени упорядоченности (регулярные и нерегулярные), по количеству (двухкратные, трехкратные и многократные), по степени полноты воспроизведения начальной единицы (частичные и полные) и некоторые другие (Метлякова, 2011).

На морфологическом уровне выделяют словообразовательные повторы двух типов – корневой (лексически мотивированный) и аффиксальный (структурно мотивированный), причем некоторые ученые, и мы разделяем эту позицию, рассматривают их как разновидность лексического повтора (Ковальчук, 2004).

Лексическому повтору посвящено большое количество работ, так как он считается одним из наиболее распространенных и чаще всего привлекает к себе внимание читателя, выполняя, как пишет Г. Солганик, функцию «логического ударения» и выступая связующим звеном между темой и ремой (Солганик, 1973: 57). На текстообразующую функцию повтора указывает также Н. Валгина, справедливо полагающая, что «повторы тематически и грамматически связывают компоненты высказываний, межфразовых единств» (Валгина, 2003: 56). Подобной точки зрения придерживается и Т. Николаева, добавляя, что «если антитезы обеспечивают цельность текста, его семантическую замкнутость, то чистые повторы работают на его связность, когезивность» (Nikolaeva, 2009: 36). Продолжив мысль Николаевой, можно сделать вывод, что повтор и антитеза представляют собой диалектическую пару противоположностей, подразумевающих одна другую и образующих единую систему взаимных притяжений и отталкиваний, установления границ между отдельными элементами текста и их нарушения, в результате чего мы можем рассматривать художественное произведение как живую самоорганизующуюся систему.

Цель статьи состоит в выявлении функций повтора и антитезы как диалектического единства в стихотворении Георгия Иванова «Над закатами и розами...» и определении особенностей идиостиля поэта.

### **Методология и методы**

В данном исследовании использованы традиционные методы анализа поэтического текста, который понимается как цельная художественная система. Ее смысл возможно интерпретировать, вычлняя отдельные ее элементы, в том числе и различные виды повторов и антитез, устанавливая взаимосвязи между ними, определяя их функции, смысловое наполнение и выясняя, в каких отношениях они состоят с другими элементами текста. Для углубленного проникновения в структуру поэтического текста были также задействованы метод медленного чтения, предложенный Роланом Бартом, метод концептуального анализа, общенаучные методы дедукции и индукции.

### **Результаты и дискуссии**

Книга «Розы» была написана и опубликована Георгием Ивановым в эмиграции в 1931 году. Ее появление вызвало множество восхищенных отзывов. Первые читатели были потрясены ее необычностью и оригинальностью. Владимир Смирнов в статье «Смысл, раскаленный добела» дал такую характеристику поэтического сборника Иванова: «В новых стихах явился никому не ведомый поэт – суровый, строгий, малословный, с удивительным морализмом отчаянья и пониманием того, что выше понимания» (2011). По мнению Ю. Терапиано, эта книга стала «безусловно лучшей не только в эмигрантской, но и в русской поэзии тридцатых годов» (Крейд, 2007). Иванов высоко ценил свою книгу и однажды даже написал какому-то журналисту: «Если не знаете «Розы» – не знаете самого ядра моей поэзии» (Крейд, 2007).

В «Розах» представлено такое многообразие различных типов повторов и антитез, что их можно рассматривать как доминанту идиостиля лирики Георгия Иванова. Они организуют как отдельные стихотворения, так и книгу в целом. Некоторые сквозные образы и мотивы «Роз» уже становились предметом внимания ученых. Так, О. Ушакова изучала семантику образа звезды и художественную концепцию архетипа «музыка» (2018, 2020), Е. Пономарев обратился к анализу мотивов распада (2002), А. Трушкина считает, что

символической доминантой книги выступает концепт «музыка» (2004). Рассмотрим, как на уровне отдельного стихотворения функционируют повторы и антитезы в поэтической книге Иванова.

В стихотворении, открывающем «Розы», центральным является концепт «счастье», который повторяется четыре раза в неизменном виде. Приведем полный текст стихотворения (выделено далее нами. – Л.Г.):

Над закатами и розами –  
*Остальное* все равно –  
Над торжественными звездами  
Наше счастье зажжено.

Счастье мучить или мучиться,  
Ревновать и забывать.  
Счастье нам от Бога данное,  
Счастье наше долгожданное,  
И *другому* не бывать.

Все *другое* – только музыка,  
Отраженье, колдовство –  
Или синее, холодное,  
Бесконечное, бесплодное  
Мировое торжество. (Иванов, 1994)

Сначала концепт «счастье» появляется в конце первой строфы как ее интонационная, эмоциональная и смысловая доминанта, к которой подводит трехступенчатая градация («над закатами и розами», «над... звездами»), усиленная благодаря ретардации, так как она разбита строкой «Остальное все равно», которая пока еще довольно смутно содержит в себе противопоставление «закатов», «роз», «звезд» и – «счастья». Последнее объединяет все перечисленные понятия и в то же время относится, с одной стороны, к категории высшего порядка, а с другой стороны – к чему-

то «остальному», которое пока не имеет определенного названия. Восходящей к понятию «счастье» градации первой строфы, выстроенной с помощью предлога «над» и существительных в творительном падеже, противопоставлена нисходящая градация – от «счастья» как высшей точки к «забвению», образованная глаголами в неопределенной форме: «мучить», «мучиться», «ревновать», «забывать». Сопоставление двух форм глагола – возвратной и невозвратной – также ведет к некоторому замедлению движения поэтической мысли, тем более что это однокоренные слова, отличающиеся друг от друга лишь постфиксом *-ся*. Так как действие направлено и на субъект, и на окружающий мир, то оно приобретает тотальный характер, чему способствует также неопределенная форма глаголов, а все вместе они представляют концепт «счастье» в неожиданном, далеком от традиционных представлений контексте – как содержащий лишь негативные коннотации. Цепочка глаголов выстраивается в микросюжет человеческой жизни, начинающейся с мучений, продолжающейся переживанием чувства ревности (понятия, также содержащего в своем значении сему «мучиться») и, в конце концов, завершающейся утратой памяти, что, возможно, прекращает мучения, но рождает ассоциации с рекой забвения – Летой. Этим строкам противопоставляются третья и четвертая строка второй строфы, обе начинающиеся с анафоры «счастье», звучащие активно, утвердительно-настойчиво:

*Счастье* нам от Бога *данное*,  
*Счастье* наше *долгожданное*... (Иванов, 1994)

Здесь анафора стала частью такой стилистической фигуры, как *симплога* – стихотворные строки начинаются («счастье») и заканчиваются одинаково («данное»), вынося на первый план и, благодаря контрасту с предыдущими двумя строками, делая еще более ярким и выразительным утверждение ценности этого счастья: оно дано свыше («от Бога») и его пришлось долго ждать. Это счастье имеет персональный характер, оно дано «нам» и оно «наше», т.е.

в данном случае использованы две формы личного местоимения первого лица «мы», в отличие от деперсонифицированного «счастья мучить или мучиться». Счастье «зажжено», т.е. испускает витальную энергию, ассоциирующуюся с творческим горением. Отрицательные коннотации также включены в парадигму концепта «счастье», но теперь они отходят на второй план, уступая место интонациям заклинания, мольбы, тем самым в стихотворении выстраивается вертикаль между человеком и Богом, на что прямо указывается в тексте. Заключительная строка второй строфы подводит итог размышлениям лирического героя о природе счастья, в результате чего он еще более укрепляется в мысли, что это единственно возможный способ его существования в мире: «И другому не бывать» (Иванов, 1994). Рифмуя «забывать-бывать», поэт разворачивает лирический сюжет от отрицания к утверждению, к укоренению в бытии, отвергая все другие потенциальные варианты и сознательно выбирая свой путь.

Но на этом точка не ставится, нарушая ожидания читателя, т.к. заявив, что «другому не бывать», поэт всю третью строфу посвящает именно «другому», как будто он не в состоянии успокоится, принять «Богом данное счастье», пусть даже и мучительное. Таким образом, вся последняя строфа сосредоточена на раскрытии сущности этого «другого», которое сначала принимает форму «музыки», «отраженья», «колдовства» (т.е. чего-то иррационального и необъяснимого словами, как музыка, ирреального и призрачного, как отражение в зеркале, лживого и обманчивого, как колдовство), а затем постепенно оформляется и оказывается некой могущественной силой, противостоящей человеку и названной в стихотворении «мировым торжеством».

Каким же образом поэт выстраивает всю эту «систему сдержек и противовесов»? Конечно же, слово «торжество» получает особую смысловую, символическую нагрузку и звучит наиболее весомо потому, что находится в сильной позиции – им стихотворение завершается. Кроме того, функцию «приращения смыслов» выполняют также особым образом организованные повторы, а именно

двойная градация – сначала существительных («музыка, отражение, колдовство»), которые воплощают в себе одну ипостась «другого». Эта относительно слабая градация подготавливает новую, гораздо более мощную волну, образованную с помощью прилагательных, занимающих целых три строки: «синее, холодное, бесконечное, бесплодное мировое». Это постепенное нанизывание эпитетов неумолимо ведет читателя к финальному пункту – «мировому торжеству». Как видим, первая градация (в цитате выделена курсивом), образованная из существительных, не просто предшествует второй (выделена подчеркиванием), состоящей из пяти прилагательных, но и включает ее в себя, так как завершает этот ряд существительное:

.....музыка,  
*Отражение, колдовство* –  
 Или синее, холодное,  
Бесконечное, бесплодное  
Мировое торжество. (Иванов, 1994)

Такое композиционное решение напоминает музыкальную секвенцию, которая заканчивается мощным заключительным аккордом – словосочетанием «мировое торжество», образующим неразделимое смысловое целое, которое, по сути, является понятием, равным по своему объему космическому универсуму или макрокосму. Оно определяется с помощью таких характеристик, как цвет (синее), температура (холодное), протяженность (бесконечное) и, наконец, отсутствие витальной энергии (бесплодное, т.е. нежизнеспособное, мертвое).

Таким образом, противоположность «счастья» и «мирового торжества» представляется на первый взгляд очевидной, так как в стихотворении выстраивается вполне определенная оппозиция: наше – другое, теплое – холодное, горячее (горящее) – холодное, закаты/розы/звезды – музыка/отражение/колдовство, предметное – призрачное, живое – мертвое и т.д. Однако это настойчиво педалируемое

противопоставление снимается повтором слов с корнем «-торжеств-», которые принадлежат к противоположным семантическим полюсам: в первой строфе это «торжественные звезды», а в третьей – «мировое торжество». Оказывается, что центральный образ второй строфы – «счастье», наряду с «закатами», «розами» и «звездами», – является лишь частным случаем космического небытия, обозначенного в тексте как «мировое торжество». Их общность проявляется также на морфологическом уровне: «счастье», как и «торжество» и большинство других существительных, входящих в поле притяжения последнего, как «остальное» и «другое», также включенных в семантическое поле «мирового торжества» – это существительное среднего рода.

Как видим, повтор и антитеза выполняют функцию носителей латентных смыслов стихотворения, которые противоречат явным интенциям лирического героя и его открытым поэтическим декларациям. Кроме того, расположение повторов в начале и в конце стихотворения образует кольцевую композицию текста, придавая ему завершенность.

Роль композиционных скреп играют в произведении Иванова и другие повторы. Так, слово «счастье» соединяет первую и вторую строфы стихотворения, а «другому» переходит из последней строки второй строфы в первую строку третьей строфы в форме «другое». Кольцевую композицию, образованную словами с корнем *-торжест-*, дополняет и укрепляет композиционный «стержень», образованный семантическими и лексическими повторами: «остальное» (первая строфа) – «другому» (вторая строфа) – «другое» (третья строфа). Заметим, что все эти повторы относятся ко второму семантическому множеству, которое, как нам представляется, доминирует в стихотворении.

### **Выводы**

Обратившись к анализу текста отдельного стихотворения Георгия Иванова, мы попытались на его примере продемонстрировать то многообразие функций, которые выполняют различные виды повторов, и показать способы их взаимодействия с антитезой. Мы



рассматриваем повтор и антитезу как диалектическую пару, которая является одной из важнейших особенностей идиостиля поэта. Иванов использует данные стилистические фигуры практически на всех уровнях поэтического текста – морфологическом, лексическом, смысловом, композиционном и др. Повторы обеспечивают интонационное богатство стиха, распределяя в тексте смысловые и ритмические акценты, определяют его динамическое развитие, служа средством ускорения и замедления движения поэтической мысли. Повторы и антитезы являются теми скрепами, которые придают тексту завершенность, объединяя его в целостную структуру, отдельные элементы которой тесно связаны друг с другом и пребывают в постоянном взаимодействии с другими поэтическими фигурами. Мы считаем, что подобное выделение в тексте диалектических пар и анализ отношений между ними является перспективным, способствуя более глубокому пониманию поэтического текста.

### Литература

- Арнольд, И.В. (1999). *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Валгина, Н.С. (2003). *Теория текста*. Москва: Логос.
- Гак, В.Г. (1972). Повторная номинация и ее стилистическое использование. *Вопросы французской филологии*. 123–136.
- Громогласова, Т.И. (2011). *Повтор в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах*. Дис. ... канд. филол. наук. Бийск.
- Иванов, Г. (1994). *Собр. соч. в 3-х тт. Т.1: Стихотворения*. Москва: Согласие.
- Ковальчук, И.Ю. (2004). *Повтор и его функции в тексте*. Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск.
- Крейд, В.П. (2007). *Георгий Иванов*. Москва: Молодая Гвардия. <https://www.litmir.me/br/?b=227540&p=117>
- Метлякова, Е.В. (2011). *Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой*. Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск.

- Москальская, О. И. (1981). *Грамматика текста*. Москва: Высшая школа.
- Пономарев, Е.Р. (2002). Распад атома в поэзии русской эмиграции: Георгий Иванов и Владислав Ходасевич. *Вопросы литературы*, 4, 48–81.
- Сёмина, С.И. (1999). *Языковой повтор как конститuent полипредикативного сложносочинённого предложения в русском языке*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Таганрог.
- Смирнов, В. (2011). Смысл, раскаленный добела. *Георгий Иванов. Что-то сбудется*. Москва: Эксмо, 5–26.
- Солганик, Г.Я. (1973). *Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое)*. Москва: Высшая школа.
- Топоров, В.Н. (1983). Пространство и текст. *Текст: семантика и структура*, Москва: Наука.
- Трушкина, А.В. (2004). *Особенности поэтического мира Георгия Иванова 1920–1950-х годов*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Ушакова, О.Н. (2020). *Проблема традиций русской поэзии в эмигрантской лирике Г.В. Иванова*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново.
- Nikolaeva, T.M. (2009). Как и почему повторы служат скрепами текста? (На материале русской поэзии). *Revue des Études Slaves*, 2009, 80-1-2, 33–42.

## References

- Arnold, I.V. (2010). *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta [in Russian].
- Valgina, N.S. (2003). *Teoriya teksta [Text theory]*. Moskva: Logos [in Russian].
- Gak, V.G. (1972). Povtornaya nominatsiya i ee stilisticheskoe ispolzovanie [Re-nomination and its stylistic use]. *Voprosyi frantsuzskoy filologii*. 123–136 [in Russian].
- Gromoglasova, T.I. (2011). *Povtor v sistemno-strukturnom i antropotsentricheskom aspektah* [Repetition in systemic-structural and anthropocentric aspects]. Candidate's thesis. Biysk [in Russian].
- Ivanov, G. (1994). *Sobranie sochineniy v 3-h tt. T.1: Stihotvoreniya [Collected works in 3 vols. Vol. 1: Poems]*. Moskva: Soglasie [in Russian].

- Kovalchuk, I.Yu. (2004). *Povtor i ego funktsii v tekste [Repetition and its functions in the text]*. Candidate's thesis. Pyatigorsk [in Russian].
- Kreyd, V.P. (2007). *Georgiy Ivanov*. Moskva: Molodaya Gvardiya. <https://www.litmir.me/br/?b=227540&p=117> [in Russian].
- Metlyakova, E.V. (2011). *Leksicheskiy povtor kak semantiko-stilisticheskaya kategoriya organizatsii liricheskogo teksta v rannem tvorchestve Annyi Akhmatovoy* [Lexical repetition as a semantic and stylistic category of the organization of the lyric text in the early work of Anna Akhmatova]. Candidate's thesis. Izhevsk [in Russian].
- Moskal'skaja, O.I. (1981). *Grammatika teksta [Grammar of the text]*. Moskva: Vysshaya shkola [in Russian].
- Syomina, S.I. (1999). *Yazykovoy povtor kak konstituent polipredikativnogo slozhnosochinYonnogo predlozheniya v russkom yazyike [Language repetition as a constituent of polypredicative compound sentence in Russian]: Extended abstract of candidate's thesis*. Taganrog [in Russian].
- Smirnov, V. (2011). *Smysl, raskalennyiy dobela*. In *Georgiy Ivanov. Chto-to sbudetsya [Sense, white-hot. Georgiy Ivanov. Something will come true]*. Moskva: Eksmo, 5–26 [in Russian].
- Solganik, G.Ya. (1973). *Sintaksicheskaya stilistika (slozhnoe sintaksicheskoe tseloe) [Syntactic stylistics (complex syntactic whole)]*. Moskva: Vysshaya shkola [in Russian].
- Toporov, V.N. (1983). *Prostranstvo i tekst*. In *Tekst: semantika i struktura [Space and text. Text: semantics and structure]*. Moskva: Nauka [in Russian].
- Trushkina, A.V. (2004). *Osobennosti poeticheskogo mira Georgiya Ivanova 1920–1950-h godov [Features of the poetic world of Georgiy Ivanov 1920–1950s]*: Extended abstract of candidate's thesis [in Russian].
- Ushakova, O.N. (2020). *Problema traditsiy russkoy poezii v emigrantskoy lirike G.V. Ivanova [The problem of the traditions of Russian poetry in G.V. Ivanov's emigre lyrics]*: Extended abstract of candidate's thesis. Ivanovo [in Russian].
- Nikolaeva, T.M. (2009). *Kak i pochemu povtoryi sluzhat skrepami teksta? (Na materiale russkoy poezii) [How and why do repetitions serve as text clips? (Based on the material of Russian poetry)]*. *Revue des Études Slaves*, 2009, 80-1-2, 33–42 [in Russian].

## Анотація

### Л.В. Гармаш. Діалектика повтору і антитези у вірші Георгія Іванова «Над закатами и розами...»

Повтор і антитеза, які є універсальними стилістичними принципами, забезпечують інтонаційно-ритмічну, смислову, композиційну, емоційну єдність поетичного тексту. Мета статті полягає у виявленні функцій повтору і антитези у вірші Георгія Іванова та аналізі особливостей ідіостилію поета.

У роботі використані традиційні методи аналізу поетичного тексту, який розуміється як єдина художня система. Сенс цілого автор статті інтерпретує, виокремлюючи елементи цієї системи, до яких відносяться різні види повторів. У процесі аналізу встановлено взаємозв'язки між повторюваними одиницями тексту, визначено функції повторів, їхню семантику, з'ясовано, в яких стосунках вони складаються з такою стилістичною фігурою як антитеза (протиставлення). Для поглибленого проникнення в структуру поетичного тексту були задіяні загальнонаукові методи дедукції та індукції, метод концептуального аналізу та метод повільного читання, запропонований Роланом Бартом.

Автор статті дійшов висновку, що Георгій Іванов використовує повтори практично на всіх рівнях поетичного тексту – морфологічному, лексичному, семантичному, композиційному та ін. Повтори і антитези забезпечують інтонаційне багатство вірша, розподіляючи в тексті смислові і ритмічні акценти, визначають динамічний розвиток поетичного тексту, служать засобом прискорення і уповільнення руху поетичної думки. Вони є тими засобами, які надають тексту завершеність, об'єднуючи його в цілісну структуру, окремі елементи якої тісно пов'язані один з одним і перебувають у постійній взаємодії. Повтор і антитеза є діалектичною парою протилежностей, що передбачають одна іншу і утворюють систему взаємних тяжінь і відштовхувань, встановлюючи межі між окремими елементами тексту і порушуючи їх, в результаті чого ми можемо розглядати художній твір як живу систему, яка здатна до самоорганізації. Аналіз повторів і антитез в контексті художнього твору дає ключ до розуміння й адекватної інтерпретації сенсу вірша.

**Ключові слова:** Георгій Іванов, повтор, функції повтору, антитеза, діалектична пара.

### **Аннотация**

#### **Л.В. Гармаш. Диалектика повтора и антитезы в стихотворении Георгия Иванова «Над закатами и розами...»**

Повтор и антитеза, будучи универсальными стилистическими принципами, обеспечивают интонационно-ритмическое, смысловое, композиционное, эмоциональное единство поэтического текста. Цель статьи состоит в выявлении функций повтора и антитезы в стихотворении Георгия Иванова и анализе особенностей идиостиля поэта.

В работе использованы традиционные методы анализа поэтического текста, который понимается как единая художественная система. Смысл целого автор статьи интерпретирует, вычлняя отдельные элементы этой системы, к которым относятся различные виды повторов. В процессе анализа установлены взаимосвязи между повторяющимися единицами текста, определены функции повторов, их семантика, выяснено, в каких отношениях они состоят с такой стилистической фигурой как антитеза (противопоставление). Для углубленного проникновения в структуру поэтического текста были задействованы общенаучные методы дедукции и индукции, метод концептуального анализа и метод медленного чтения, предложенный Роланом Бартом.

Автор статьи пришел к выводу, что Георгий Иванов использует повторы практически на всех уровнях поэтического текста – морфологическом, лексическом, смысловом, композиционном и др. Повторы обеспечивают интонационное богатство стиха, распределяя в тексте смысловые и ритмические акценты, определяют динамическое развитие поэтического текста, так как служат средством ускорения и замедления движения поэтической мысли. Повторы и антитезы являются теми скрепами, которые придают тексту завершенность, объединяя его в целостную структуру, отдельные элементы которой тесно связаны друг с другом и пребывают в постоянном взаимодействии. Повтор и антитеза представляют собой диалектическую пару противоположностей, подразумевающих одна другую и образующих единую систему взаимных притяжений и отталкиваний, установления границ между отдельными элементами текста и их нарушения, в результате чего мы можем рассматривать художественное

произведение как живую самоорганизующуюся систему. Анализ повторов и антитез в контексте художественного произведения дает ключ к пониманию и адекватной интерпретации смысла стихотворения.

**Ключевые слова:** Георгий Иванов, повтор, функции повтора, антитеза, диалектическая пара.

### **Abstract**

#### **L.V. Harmash. Dialectics of Repetition and Antithesis in the Poem by Georgy Ivanov “Over Sunsets and Roses...”**

Repetition and antithesis, being universal stylistic principles, provide intonation-rhythmic, semantic, compositional, emotional unity of the poetic text. The purpose of the article is to identify the functions of repetition and antithesis in the poem by Georgy Ivanov and to analyse the peculiarities of the poet's style.

Traditional methods of analysing poetic text, which is understood as a unified artistic system were used. The author of the article interprets the meaning of the whole work by isolating the individual elements of its system, which include various types of repetition. In the course of the analysis, the relationships between the repetitive units of the text were established, the functions of repetitions, their semantics were determined, it was clarified in what relations they are with such a stylistic figure as antithesis. General scientific methods of deduction and induction, the method of conceptual analysis and the method of slow reading, proposed by Roland Barthes, were used for deep penetration into the structure of the poetic text.

The author of the article comes to the conclusion that the poet uses repetition at almost all levels of the poetic text – morphological, lexical, semantic, compositional, etc. Repetition and antithesis provide the intonational richness of verses, distributing semantic and rhythmic accents, dynamic development of a poetic text, serve as a means of accelerating and slowing down the movement of poetic thought. They are the bonds that give the text completeness, uniting it into a holistic structure, the individual elements of which are closely related to each other and are in constant interaction. Repetition and antithesis are a dialectical pair of opposites, implying one another and forming a single system of mutual attraction and repulsion, establishing boundaries between individual elements of the text and breaking them, as a result of which we can consider a poem as a

living self-organizing system. Analysis of repetition and antithesis in the context of a poem provides the key to understanding and adequate interpretation of the poem.

**Key words:** Georgy Ivanov, repetition, functions of repetition, antithesis, dialectical pair.

*Рукопис статті отримано 11 серпня 2020*

*Рукопис затверджено до публікації 21 вересня 2020*

---

### ***Інформація про автора***

***Гармаш Людмила Вікторівна*** – доктор філологічних наук, професор кафедри української літератури та журналістики імені професора Леоніда Ушкалова Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна; e-mail: garmash110@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-8638-3860>